

собственный опыт. С крупнейшими романистами европейского сентиментализма писатель познакомился, очевидно, уже в юношеские годы. Увлеченным читателем и почитателем Руссо оказывается герой «Писем русского путешественника».

Одна из заветных целей русского путешественника — побывать в «тех прекрасных местах, в которых бессмертный Руссо поселил своих романтических любовников» (I, 277). Карамзин отправляется в эти места «с весельем в сердце — и с Руссовою „Элоизою“ в руках». Как и во многих других случаях, книга становится спутником и даже, можно сказать, путеводителем путешественника. Обращаясь к друзьям, Карамзин вспоминает, «с каким удовольствием» они вместе читали «Элоизу». Этот момент характерен: излюбленный способ знакомства с книгой — совместное чтение, чтение, объединяющее духовно близких друг другу людей.

Путешественнику важно не просто побывать в описанных Руссо местах, но именно там перечитать памятные страницы романа. Длинная цитата, тут же приведенная Карамзиным из письма Сен-Пре к Юлии, помогает и читателю «Писем», подобно их автору, оживить в своем воображении героев Руссо. Но все это не мешает Карамзину тут же критически оценить «Новую Элоизу», в которой, по его мнению, «много неестественного, много увеличенного, — одним словом, много романического», и признать, что в «Вертере», по сравнению с романом Руссо, «более природы», хотя без «Элоизы» «не существовал бы и немецкий „Вертер“» (I, 279). Восторгаясь героиней Руссо, автор «Писем» ощущает «ненатуральность» ее характера: «Ах, друзья мои! Для чего в самом деле не было Юлии! Для чего Руссо не велит искать здесь следов ее! Жестокий! Ты описал нам такое прекрасное существо и после говоришь: „Его нет!“» (I, 279).

Спор с Руссо, автором «Новой Элоизы», находит своеобразное продолжение в повести Карамзина «Юлия» (1796). Самое имя героини, как справедливо отметил П. А. Орлов, наталкивает читателя на параллель с «Новой Элоизой». Однако нельзя согласиться с исследователем, что спор, который Карамзин ведет здесь с Руссо, обусловлен тем, что автор «Юлии» «утверждает мысль о необходимости подчинять свои страсти рассудку во имя сохранения добродетели».⁶² «Юлия» — не нравоучительная, а психологическая повесть. Удалившись от светской суеты в деревню, Юлия начинает скучать и, пытаясь ее развлечь, любящий супруг, Арис, начинает читать ей «Новую Элоизу». Прослушав несколько страниц «о блаженстве взаимной любви», Юлия замечает: «Прекрасно! Только знаешь ли, мой друг? Мне кажется, что Руссо писал более по воображению, нежели по сердцу. Хорошо, если бы так было, но так ли бывает в самом деле? Удовольствие счастливой любви есть, конечно, первое в жизни, но может ли оно быть

⁶² Орлов П. А. Русская сентиментальная повесть. — В кн.: Русская сентиментальная повесть, с. 16.